

ДО ВСТРЕЧИ В КИОТО



ГВОЗДКО

До встречи в Киото

«Автор»

2026

Гвоздко

До встречи в Киото / Гвоздко — «Автор», 2026

Ай живёт в мире порядка, архивов и точных формулировок, где чувства принято оставлять за дверью. Рэн существует в движении - в кадрах, в случайных маршрутах, городах. Они слишком разные, чтобы встретиться «по плану». Их история начинается с одного упавшего лепестка, после которых между ними появляется связь. Они будут спорить о том, можно ли планировать любовь, они будут жить в разных городах - Киото, Токио, Берлин - и пытаться удержать то, что по своей природе не предназначено для удержания. Их переписки станут короче, встречи реже, но смысл между строк будет только расти. Это история о любви, которая не развивается по прямой линии и не обещает лёгких решений. О близости, которая учится существовать на расстоянии. О людях, которые не всегда могут быть вместе, но и не могут окончательно отпустить друг друга. И о том, что иногда самое настоящее чувство - это не то, что остаётся константой изменчивого мира.

© Гвоздко, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Бутон, найденный случайно	5
Глава 2 Кофе, который остыл	8
Глава 3 Настоящий кадр	12
Глава 4 Страница без заголовка	19
Глава 5 Сокращающиеся сообщения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

До встречи в Киото

Глава 1 Бутон, найденный случайно

Апрель в Киото умел быть обманчивым. На открытках, в туристических буклетах и на фотографиях в интернете он выглядел почти неправдоподобно: светлым, тёплым, наполненным мягким солнцем и бесконечным дождём из лепестков сакуры. Но настоящая весна редко заботилась о чужих ожиданиях. В тот день небо затянуло плотной серой пеленой, ветер пробиравшись под одежду, а воздух был влажным настолько, что казалось - дождь только что закончился или вот-вот начнётся. Даже сакура не спасала положение. Она цвела повсюду: вдоль дорожек, у храмовых стен, возле тихих домов и над узкими каналами, но под холодным небом её нежно-розовый цвет выглядел каким-то приглушённым. Словно сама весна ещё не решила, хочет ли приходить окончательно. Ай ускорила шаг. Она ненавидела опаздывать. Не потому, что кто-то мог разозлиться или сделать замечание - такого почти не случалось. Просто ей не нравилось ощущение, когда что-то выходит из намеченного порядка, когда день внезапно начинает жить по собственным правилам. Она любила, когда всё было на своих местах: книги - по каталогу, документы - по датам, встречи - по расписанию. Возможно, именно поэтому работа в университетской библиотеке подходила ей почти идеально. Старые книги не спорили. Архивы не отменяли встречи в последний момент. Рукописи не меняли планы только потому, что им внезапно захотелось чего-то другого. В сумке лежала папка с документами, которые нужно было отвезти в другой корпус университета. Можно было поехать автобусом, но путь через Маруяма-парк занимал меньше времени. Обычно она даже любила эту дорогу, особенно ранним утром, когда вокруг почти никого не было. Но сегодня парк жил собственной жизнью. Под деревьями уже сидели люди, расстелив пледы. Кто-то смеялся, кто-то фотографировал цветущие ветви, кто-то безуспешно пытался удержать салфетки, которые уносил ветер. Ай машинально посмотрела на часы. Если идти чуть быстрее, она успеет. Она уже почти миновала пруд, когда особенно резкий порыв ветра ударил в лицо. Лепестки сорвались с ветвей сразу десятками. Они закружились в воздухе, подхваченные невидимым потоком, на мгновение закрывая дорожку перед ней. Ай невольно прищурилась. И именно тогда заметила его. Небольшой бутон сакуры лежал у самого края дорожки, чуть в стороне от влажной плитки. Не раскрывшийся до конца, почти идеальный. Она остановилась. Странно. Уже несколько месяцев она думала о том, что хочет начать собирать гербарий. Не просто засушивать листья между страницами книг, как в детстве, а делать всё правильно: подписывать даты, места, небольшие заметки. Ей нравилась мысль о том, что можно сохранить маленький момент времени. Но каждый раз что-то откладывалось: то не хватало времени, то казалось, что можно начать позже, то находились дела важнее. Ай смотрела на маленький бутон несколько секунд, потом слегка вздохнула и наклонилась. Её пальцы почти коснулись лепестков. Длинные пальцы, чужие, остановились буквально в нескольких сантиметрах от её собственных - они тоже потянулись за бутонем. Несколько секунд никто не двигался. Потом над её головой раздался голос: - Если мы оба отпустим, будет очень неловко. Ай подняла взгляд. Человек напротив почему-то смотрел на неё так, будто совершенно забыл, зачем вообще наклонился за этим бутонем. Ай несколько секунд просто смотрела на него, будто не сразу поняла смысл сказанного. Ветер снова прошёлся между деревьями, качнув тонкие ветви над их головами, и несколько лепестков мягко опустились на тёмный рукав его куртки. Он всё ещё не убирал руку. И она тоже. Только теперь Ай вдруг слишком ясно осознала, насколько странно выглядит ситуация со стороны: двое взрослых людей посреди дорожки в Маруяма-парке замерли над одним-единственным бутонем сакуры так, будто от него зависело нечто важное. Она первой слегка отёрнула пальцы. - Тогда... наверное, лучше не проверять. - Разумное решение. Он улыбнулся. Ай выпрямилась, поправляя ремень сумки.

Теперь она могла рассмотреть его нормально. На вид чуть старше неё. Тёмные волосы, слегка растрёпанные ветром, светлая куртка и фотоаппарат на ремне через плечо. Дорогой, насколько она могла понять. Хотя сама в технике почти не разбиралась. Он тоже поднялся, и бутон всё ещё оставался между ними. - Вообще-то, - сказал он, глядя вниз, - я не собирался его брать. Ай моргнула. - Что? - Я просто увидел, что вы остановились, и подумал, что, наверное, там что-то интересное. Она несколько секунд смотрела на него. - То есть вы потянулись просто потому, что увидели, как потянулась я? Он задумался. - Когда вы так говорите, звучит немного глупо. - Потому что это немного глупо. Конечно. Вот версия с немного увеличенным объёмом, сохраняя стиль, ритм и атмосферу:

Он тихо рассмеялся. Не громко. Просто опустил взгляд и слегка покачал головой, будто молча соглашаясь с чем-то, известным только ему. Ай почувствовала лёгкое раздражение. Совсем маленькое. Скорее то странное чувство, которое возникает, когда человек ведёт себя совсем не так, как ожидаешь. Потому что он не выглядел смущённым. И не выглядел человеком, который отчаянно пытается завязать разговор. Он вообще выглядел так, словно оказался здесь совершенно случайно и теперь с искренним любопытством наблюдал, что будет дальше.

А ещё он продолжал смотреть на неё. Спокойно. Без настойчивости.

Ай опустила взгляд на бутон.

— Тогда забирайте.

— Что?

— Потому что вы смотрели на него так, будто давно хотели это сделать.

Она нахмурилась, не сразу понимая, о чём он говорит.

— Сделать что?

— Не знаю, - он снова улыбнулся, теперь уже немного виновато, словно сам понимал, насколько странно это прозвучало. - Поднять его.

Несколько секунд Ай молчала, рассматривая цветок в его руке. Потом всё же осторожно взяла бутон. Он оказался прохладным от влажного утреннего воздуха, а лепестки были ещё покрыты крошечными каплями росы.

— Спасибо, - тихо сказала она.

— Пожалуйста.

Наступила та самая неудобная пауза, когда разговор уже закончился, но никто ещё не ушёл. Воздух словно замер вместе с ними. Ай машинально посмотрела на часы и почти вздрогнула.

— О нет.

Он вопросительно поднял брови.

— Что случилось?

— Я опаздываю.

Сказала она это с таким выражением, будто речь шла не о пяти минутах, а о приближающейся катастрофе. Он моргнул.

— Насколько?

— На четыре минуты.

Он молчал секунду. Потом ещё секунду. Будто пытался понять, не шутит ли она. А потом всё-таки не выдержал.

— Четыре?

Ай серьёзно кивнула. Он едва заметно улыбнулся.

— Понял. Тогда ситуация действительно критическая.

Ай уже собиралась что-то ответить, но только тихо вздохнула. Объяснять сейчас, почему четыре минуты действительно имеют значение, было слишком долго.

— До свидания.

— До свидания, человек с чрезвычайно опасными четырьмя минутами.

Она развернулась и быстрым шагом пошла по дорожке, стараясь наверстать потерянное время. Позади ещё несколько секунд слышался его тихий смешок, который почему-то не раздражал так сильно, как должен был.

Только минут через десять, уже возле университета, Ай заметила это. Между её документами лежал сложенный лист плотной бумаги. Она остановилась прямо посреди дорожки. Осторожно развернула его.

Это оказался старый архитектурный чертёж. Бумага была немного пожелтевшей, по краям виднелись следы времени, а вдоль полей тянулись карандашные пометки, сделанные быстрым уверенным почерком. В правом углу небрежно было написано:

«Не забыть снять западную сторону до пяти вечера».

Ай нахмурилась. Она совершенно точно не клала этот лист в папку. И почти сразу перед глазами возникло лицо незнакомца из парка.

— ...

После короткой паузы она перевернула лист. На обороте, совсем маленькими буквами, будто запись появилась в последний момент, было приписано:

«Если это у тебя - похоже, мне стоит внимательнее следить за своими вещами».

Ниже был номер телефона.

И имя. Его звали Рэн.

Глава 2 Кофе, который остыл

После работы Ай не сразу потянулась к телефону. К вечеру библиотека меняла свою физику: воздух становился гуще, звуки - тише, а само здание, казалось, переходило на шёпот, оберегая накопленную за день тишину. Свет настольных ламп ложился на столы мягкими, теплыми прямоугольниками, страницы перелистывались реже, и даже шаги сотрудников звучали так, будто они ступали по облакам. Ай любила этот час не за покой, а за ясность: в сумерках хаос дня наконец-то укладывался в понятные формы.

Только дома, смыв с себя городскую пыль и заварив чай, она позволила себе достать находку. Плотный лист бумаги, сложенный вчетверо, лежал в сумке чужеродным тяжелым камнем, нарушая привычный и безопасный порядок её вещей.

Архитектурный чертёж. И короткая приписка на обороте, сделанная быстрым, размашистым почерком. Ай несколько минут сидела в полумраке кухни, глядя на телефон. Она нашла его профиль в социальных сетях - скупая информация, ни одного личного фото - и открыла личку. Курсор мигал в пустом поле, словно ожидая разрешения.

Наконец она напечатала: «Вы, кажется, потеряли архитектурный чертёж?»

Сообщение ушло, и тишина квартиры стала чуть плотнее, почти осязаемой. Ответ пришел почти мгновенно, будто он и вправду сидел, уткнувшись в экран. «Зависит от того, какой именно. Сегодня я успел потерять больше вещей, чем планировал».

Ай перечитала фразу дважды, чувствуя легкое, колющее удивление. Люди обычно отвечали функциональнее: «Да», «Нет», «Где?». Здесь же сквозила какая-то усталая ирония.

Она набрала: «Архитектурный. С пометкой про западную сторону».

Почти сразу: «Тогда да, это мой».

Пауза между сообщениями была короткой, но в ней уже проступил контур будущего разговора. «Он у вас?» Вопрос был лишним, вежливостью, за которой пряталось желание тянуть время. «Да», - ответила она честно.

Секунда, другая. «Вы можете его вернуть?»

Ай замерла. Логично было бы оставить это на завтра. Передать через бюро находок, положить в папку «Важное, но не срочное», спрятать подальше от чужого хаоса. Но ни один из этих безопасных вариантов не казался верным. Чертеж в сумке словно требовал продолжения.

Вместо этого она написала: «Могу. Где вы сейчас?»

Ответ заставил её чуть нахмуриться, глядя на светящийся экран. «Сейчас в районе Камо. Но это не совсем точный ответ».

«Почему?»

«Потому что я могу оказаться где угодно через двадцать минут».

Ай задержала взгляд на этих словах. В её мире «быть где-то» означало координаты, время и цель.

Здесь же было движение, стихия.

«Это проблема», - написала она.

«Обычно да», - ответил он. И почти сразу, словно спохватившись, добавил: - «Но сегодня я постараюсь не исчезнуть».

Ай долго смотрела на последнюю фразу, прежде чем встать из-за стола. Она проверила сумку: чертёж был на месте, аккуратно вложенный в прозрачный файл, словно реликвия. Они договорились встретиться у входа в парк Маруяма - там, где дорожка от храма тянулась к главной аллее. Место было выбрано не случайно: там, под сенью старых деревьев и светом фонарей, всегда было чуть меньше людей, чтобы два незнакомца могли найти друг друга, не теряясь в толпе.

Она пришла раньше. Это было не привычкой, а скорее внутренним механизмом, который никогда не давал сбоев. Ай почти всегда приходила первой - не любила ощущение, что из-за неё кто-то теряет время. Она стояла чуть в стороне от потока людей, прижимая к груди папку с документами. Чертёж был аккуратно вложен внутрь, в прозрачный файл, словно хрупкая реликвия.

Ветер в парке двигался медленно, лениво - ему, казалось, было некуда спешить. Сакура продолжала осыпаться, но теперь это уже не выглядело как событие. Скорее как естественное продолжение воздуха, как дыхание самого парка. Лепестков было так много, что они кружились в золотистом свете фонарей, словно снег из другого мира.

Ай посмотрела в сторону входа и почти сразу заметила его.

Он шёл не торопясь, но и не медленно, с тем странным равновесием человека, который привык жить без строгого маршрута. Фотоаппарат всё так же висел на плече, потёртый ремешок рассказывал историю долгих прогулок. В его движении не было ни суеты, ни напряжения - только спокойная уверенность в том, что он окажется там, где нужно, именно тогда, когда нужно.

Он увидел её почти одновременно с тем, как она - его. И вместо приветствия сказал:

— Вы правда пришли. Я помню вас. Я случайно выронил рядом свои работы?

Ай чуть приподняла папку.

— Он был у меня, господин Рэн.

Он кивнул так, будто это объясняло всё, что нужно было знать о мире.

— И вы его не выбросили. Спасибо большое, что ради меня потрудились.

— Это было бы нерационально - выбрасывать чужой труд, - спокойно ответила она.

Он тихо усмехнулся, будто ему понравилось само слово - «нерационально».

— Пожалуй, это самый вежливый способ сказать «я бы так не сделала».

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга. В этом молчании было немного неловкости.

— Вы всегда возвращаете найденные вещи? - спросил он наконец.

Ай немного задумалась, прежде чем ответить.

— Только если понимаю, кому они принадлежат.

— А если не понимаете?

— Тогда передаю туда, где умеют хранить то, что потерялось.

Он улыбнулся чуть шире, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти благодарное. - Звучит как место, куда лучше ничего не терять.

Рэн принял из её рук прозрачный файл с такой осторожностью, будто внутри лежала не старая бумага, а что-то гораздо более хрупкое. Он бегло взглянул на угол листа, проверяя пометки карандашом, и заметно выдохнул - так выдыхают люди, которые только что нашли то, что уже считали потерянным навсегда.

— Кажется, вы только что спасли несколько часов моей жизни.

Ай слегка наклонила голову.

— Всё настолько серьёзно?

— Для меня - да. Я умею терять вещи с пугающей регулярностью, а потом долго убеждать себя, что так и было задумано.

Она посмотрела на него внимательнее. В золотистом свете фонарей его лицо казалось мягче, чем в переписке.

— И получается?

— Пока нет.

Уголки её губ едва заметно дрогнули - почти улыбка, но ещё не совсем. Несколько секунд они стояли молча, пока мимо проходили люди, а над дорожкой медленно кружились лепестки сакуры. Свет постепенно менялся, становясь мягче и теплее. Вечер незаметно подбирался к

городу, окрашивая ветви деревьев в золотистый оттенок, превращая парк в место из другого времени.

Рэн сунул чертёж в сумку и немного неловко провёл рукой по затылку - жест, который выдавал его волнение лучше любых слов.

— Тогда... в качестве благодарности я могу угостить вас кофе?.. Как ваше имя?

— Ай.

Он повторил его про себя, будто пробуя на вкус.

— Пригласить вас на кофе, Ай. - Ай посмотрела на него спокойно, без тени смущения. Он тут же добавил, чуть склонив голову: - Если это не звучит как странное предложение от человека, которого вы знаете примерно пятнадцать минут.

— Мы знакомы больше пятнадцати минут.

— Это звучит намного надёжнее.

Ай неожиданно для себя почувствовала, что напряжение, которое она всё это время держала внутри, стало немного слабее. Может, действительно правда, что с простаками легко общаться? Или дело было в том, что он не пытался казаться кем-то другим?

— Только одно условие, - сказала она, и в её голосе впервые за вечер появилась лёгкая нотка нерешительности.

— Уже страшно.

— Давай на "ты".

Рэн удивлённо посмотрел на неё. В Японии переход на "ты" был не просто сменой местоимения - это был шаг через невидимую границу, которую обычно не пересекали с незнакомцами.

— На "ты"?

Ай отвела взгляд в сторону дорожки, где лепестки сакуры всё ещё кружили в воздухе.

— Иначе слишком похоже на разговор официальной встречи.

— Хорошо. Тогда и правда будет проще.

Кофейня оказалась небольшой, спрятанной между двумя старыми зданиями неподалёку от парка. Внутри пахло деревом, жареными кофейными зёрнами и чем-то сладким - ванилью, может быть, или карамелью. Ай не смогла определить точно, но запах был уютным, как старый свитер.

За окнами уже начинал сгущаться вечер, а мягкий свет ламп отражался в стекле, превращая улицу в размытые золотые пятна. Люди проходили мимо, но их силуэты казались далёкими, словно они смотрели на мир через толщу воды.

Они выбрали столик у окна. Разговор поначалу двигался осторожно, как человек, который ступает по незнакомой дороге, проверяя каждый шаг. Ай рассказала про библиотеку и про то, как однажды несколько дней искала книгу, которую по ошибке поставили не в тот раздел. Рэн слушал внимательно, и когда она закончила, сказал.

— Для тебя это прозвучало почти как детективная история.

Она чуть улыбнулась.

— Может, это и есть детективная история. Просто без преступления.

Он говорил о своей работе легче, чем она ожидала. О старых домах, которые помнят больше, чем их жители. О пустых помещениях, где эхо звучит иначе, чем в заполненных комнатах. О том, что иногда пространство кажется живым сильнее, чем люди внутри него.

— Ты фотографируешь здания, - сказала Ай, задумчиво проводя пальцем по краю чашки, - но говоришь о них так, будто они живые.

— Может, они и правда живые. Просто говорят на другом языке.

Ай хотела что-то ответить - может быть, спросить, что именно он имеет в виду, или поделиться своей мыслью о том, как книги тоже впитывают тех, кто их читает. Но в этот момент она заметила, что его взгляд изменился.

Это произошло быстро, почти незаметно. Его глаза скользнули на экран телефона, который лежал рядом с чашкой. Он просто посмотрел и перестал улыбаться. Он будто вдруг вспомнил что-то важное, о чём не должен был забывать. Лицо его стало другим - собранным, отстранённым.

— Рэн?

Он поднял взгляд, но в его глазах ещё оставалась тень того, что он увидел на экране.

— Прости. - Он быстро поднялся, и движение это было таким решительным, что Ай на мгновение потеряла нить разговора. - Мне нужно идти.

Ай растерянно моргнула, пытаясь осмыслить происходящее.

— Сейчас?

— Да.

Он уже накидывал куртку, и пальцы его двигались быстро, почти лихорадочно.

— Подожди...

Она не успела договорить. Он будто и сам понимал, насколько странно это выглядит, потому что на мгновение остановился, обернулся. В его позе было что-то виноватое, почти детское.

— Правда, прости.

В его голосе не было холодности. Только какая-то внезапная тяжесть, как у человека, который несёт больше, чем может выдержать. - Я объясню потом.

И через несколько секунд его уже не было. Колокольчик над дверью тихо звякнул, впуская внутрь прохладный вечерний воздух, который на мгновение смешался с запахом кофе и дерева.

Ай ещё несколько секунд сидела неподвижно, глядя на пустой стул напротив. Потом медленно перевела взгляд на его чашку. Кофе остался почти нетронутым - только на поверхности застыла тонкая плёнка, и пар уже не поднимался над ней. Он заплатил за счёт и испарился, как будто его здесь никогда и не было. Она посмотрела в окно, где вечерние огни уже горели ярче, а люди спешили по своим делам. В целом, чего ещё ожидать от людей - они всегда куда-то опаздывают. Или от чего-то убегают.

Глава 3 Настоящий кадр

Следующие несколько дней прошли для Ай в непривычном ощущении лёгкого смещения. Это было как если бы кто-то чуть сдвинул одну из полок в её внутреннем мире - незаметно, но достаточно, чтобы привычные вещи перестали стоять на своих местах. Сначала она не придавала этому значения, объясняя всё случайностью или обычной усталостью. Но постепенно стала замечать маленькие перемены: она чаще смотрела в окно, дольше задерживала взгляд на случайных прохожих, и даже тишина библиотеки по вечерам казалась теперь другой - не такой плотной, как раньше.

После той странной истории в кофейне Рэн написал уже поздно вечером. Сообщение было коротким и появилось на экране тогда, когда Ай уже лежала в кровати с книгой, которую читала перед сном.

«Я правда повёл себя ужасно. Прости.»

Через минуту пришло ещё одно: «Я объясню когда-нибудь.»

Ай долго смотрела на экран телефона, лежавшего рядом с раскрытой книгой. Страница была отмечена закладкой на середине главы, но она не могла сосредоточиться на тексте. Обычно она не любила вещи, остававшиеся незавершёнными. Ей не нравились книги с открытым финалом, недосказанные разговоры, незакрытые двери. И особенно ей не нравились обещания объяснить что-то потом, в неопределённом будущем. Всё это создавало ощущение пустого пространства, которое невозможно заполнить, пока не получишь ответ.

В конце концов Ай ответила только короткое: «Хорошо.»

Это было вежливо, сдержанно и не обещало ничего. Ни прощения, ни ожидания, ни продолжения разговора. Просто констатация факта.

На следующий день ближе к вечеру телефон снова завибрировал. Ай как раз заканчивала расставлять книги на полке, когда увидела уведомление.

«Я возле библиотеки.»

Она нахмурилась и посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставалось семь минут. Сердце сделало странный, почти незаметный скачок - не от волнения, скорее от неожиданности. Она быстро доделала то, что делала, выключила свет в читальном зале и, взяв сумку, направилась к выходу.

Когда Ай вышла из здания, он действительно стоял у входа. Слегка прислонившись к низкой каменной ограде, он держал в руках фотоаппарат и смотрел на экран камеры с таким сосредоточенным видом, словно происходило что-то действительно важное. Вечерний свет ложился на его лицо мягкими тенями, и в этой позе было что-то знакомое - как будто он ждал её здесь не первый раз.

Услышав её шаги, он сразу поднял голову.

— Привет.

Он убрал фотоаппарат в сумку и улыбнулся с таким спокойствием, будто они уже давно привыкли встречать друг друга после работы. В этой улыбке не было ни смущения, ни извинения - только лёгкая ирония, как у человека, который знает, что ведёт себя немного странно, но не видит в этом ничего плохого.

— Я решил проверить одну вещь.

Ай остановилась рядом, чуть поодаль, чем обычно. В её позе всё ещё оставалась та самая осторожность, с которой она подходила к незавершённым историям.

— Какую?

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то тёплое, почти благодарное.

— Мне стало интересно, что произойдёт, если я не сбегу посреди разговора.

Она внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, шутит он или говорит серьёзно. В его лице не было насмешки - только спокойная честность человека, который признаёт свои слабости без попытки их оправдать.

— И что получилось? - спросила она наконец.

Он чуть наклонил голову, словно размышляя.

— Пока не знаю. Но я здесь.

— И как результаты? - спросила она, и в её голосе впервые за всё время появилась лёгкая ирония.

Он задумчиво наклонил голову, словно действительно размышляя над этим вопросом.

— Пока эксперимент выглядит многообещающим.

Несмотря на совершенно серьёзное выражение его лица, Ай почувствовала, как уголки губ слегка дрогнули.

После этого такие вечера стали повторяться.

Сначала один или два раза в неделю - случайно, как будто оба просто оказывались в нужном месте в нужное время. Потом чаще. А затем это вошло в её жизнь так естественно, что Ай не смогла бы точно вспомнить, когда именно граница между "случайной встречей" и "привычкой" стёрлась окончательно.

Иногда Рэн писал ей за полчаса до конца рабочего дня, сообщая, что находится неподалёку. Иногда присылал фотографию реки Камо, над которой закатное небо окрашивалось в мягкие оранжевые оттенки, и писал: «Было бы несправедливо сразу идти домой в такой вечер». Иногда он вообще ничего не писал. Ай просто выходила из библиотеки и обнаруживала его возле входа - иногда сидящим на низкой каменной ограде, иногда стоящим чуть в стороне, с фотоаппаратом в руках, словно он поджидал именно этот момент.

Они гуляли по улицам Киото, заходили в маленькие книжные магазины, где пахло старой бумагой и пылью, сворачивали в тихие переулки, которые Рэн почему-то всегда замечал раньше неё. Они могли подолгу сидеть возле реки, наблюдая, как вода медленно уносит отражения фонарей, превращая их в длинные золотистые полосы, которые тянулись до самого горизонта.

Рядом с ним время начинало двигаться иначе. Не быстрее и не медленнее - просто по-другому. Как если бы часы шли не по кругу, а по спирали, каждый раз возвращаясь к одной и той же точке, но уже на другом уровне.

Но постепенно Ай заметила ещё одну вещь.

У Рэна была странная привычка исчезать.

Это происходило внезапно и всегда почти одинаково. Посреди разговора - может быть, они обсуждали какую-то книгу, или архитектуру старого храма, или просто молчали, глядя на воду - он вдруг смотрел на телефон. Экран освещал его лицо холодным голубоватым светом, и что-то в его выражении менялось. Он становился чуть тише, чуть отстранённое, а потом говорил, что ему нужно ненадолго уйти.

Иногда вспоминал о съёмке, которую нельзя отложить. Иногда - о каком-то деле, которое неожиданно возникло именно сейчас. Порой он исчезал на несколько часов, а иногда до следующего дня, после чего появлялся снова так естественно, словно их разговор просто ненадолго прервали на середине фразы.

Поначалу Ай это беспокоило. Не настолько, чтобы задавать вопросы - она не любила спрашивать то, на что не была готова услышать ответ. Но достаточно, чтобы замечать. Она привыкла к людям, которые предупреждают заранее, к расписаниям и договорённостям, привыкла понимать, что произойдёт дальше хотя бы приблизительно. Её мир был построен на предсказуемости, на чётких границах между "сейчас" и "потом".

Рэн существовал будто по совершенно другим правилам. Его время было рваным, как страница старой книги, которую кто-то небрежно листал.

И всё же была одна деталь, которая постепенно меняла её отношение к этому.

Он всегда возвращался. Всегда.

Однажды вечером она стояла у входа в библиотеку, наблюдая, как студенты постепенно расходятся по домам. Рабочий день закончился почти двадцать минут назад, и Ай уже несколько раз собиралась уйти. Это было бы разумно - она прекрасно понимала это. Но всё равно продолжала стоять на месте, глядя, как здание постепенно пустеет, словно вместе с людьми из него уходило и само дыхание дня.

Вечер уже мягко опускался на улицы Киото, делая свет более тёплым и рассеянным, а тени - длиннее и спокойнее. Где-то вдалеке звенел велосипедный звонок, и этот звук казался удивительно чистым в остывающем воздухе.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

«Прости. Ещё пять минут.»

Ай убрала телефон обратно, но не двинулась с места. В какой-то момент ожидание перестало быть раздражающим и стало просто состоянием, в котором она находилась. Как будто это тоже можно было вписать в её привычный порядок вещей - пусть и с небольшим отклонением от расписания. Она поймала себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз вот так просто стояла и ждала кого-то без конкретного плана.

И почти сразу она увидела его.

Рэн появился на углу улицы так резко, словно всё это время просто не был частью пространства, а теперь вдруг в него вернулся. Он быстро шёл в её сторону, почти переходя на лёгкий бег, и уже издалека было видно, что он запыхался. Но при этом в его движении было что-то почти радостное, едва сдерживаемое - как у человека, который бежал не потому что опаздывал, а потому что очень хотел прийти.

Когда он остановился рядом, ему понадобилось несколько секунд, чтобы выровнять дыхание. Он смотрел на неё с выражением человека, который одновременно очень рад и немного виноват, хотя сам ещё не успел понять, в чём именно.

— Прости, - сказал он наконец, чуть улыбнувшись, - я правда не собирался опаздывать.

Ай посмотрела на него внимательно. На его растрёпанных волосах блестели капли пота, куртка была расстёгнута, а в глазах всё ещё горел тот самый огонек человека, который только что закончил бежать. И ей неожиданно стало смешно. Не громко, не демонстративно - скорее мягко, почти незаметно, как будто само напряжение последних минут вдруг потеряло смысл.

— Ты выглядишь так, будто бежал через половину города.

— Почти, - признался он и провёл рукой по волосам, ещё сильнее их растрепав. - Я потерялся.

— Снова?

— Да, но в этот раз красиво потерялся.

Он наконец выдохнул до конца, словно только сейчас окончательно вернулся в реальность, и, не давая ей времени задать следующий вопрос, слегка кивнул в сторону улицы.

— Пойдём. Тут недалеко есть место. Я хотел показать тебе.

Ай на секунду посмотрела на здание библиотеки за спиной - словно проверяя, не отступает ли она от привычного маршрута домой.

— Хорошо.

Они пошли вдоль тихой улицы, постепенно оставляя университет позади. Город вокруг них становился всё менее официальным и всё более живым: вместо каменных фасадов и вывесок - деревянные ворота, узкие проходы между домами, ведёрко с зонтиками у чужого входа. Из открытого окна тянуло тёплым запахом мисо и жареного лука. Где-то за стеной кто-то позвал ребёнка по имени, и голос этот прозвучал так буднично, будто они были не прохожими, а давними соседями, просто зашедшими поведать.

Ай шла и чувствовала, как рабочий день отступает по слоям. Сначала ушёл голос заведующей, потом счётчик на столе, потом назойливое ощущение незакрытой папки в верхнем ящике. Всё это растворялось, как след чернил в воде: ещё секунду назад был чёткий штрих, а теперь - только мягкое облако, которое уже не разобрать.

Рэн шёл чуть впереди и всё-таки оборачивался - не каждый шаг, но достаточно часто, чтобы она замечала. Он говорил легко, почти без пауз, и в голосе его ещё оставалась та странная смесь спешки и радости, с которой он появился у библиотеки.

— Я сначала был у реки, - начал он, как будто продолжал разговор, который они не успели начать утром. - Потом решил, что это слишком очевидно. Все снимают реку в семь. Встал, подумал: пойду в старые кварталы. Там есть один дом - ты бы прошла мимо и не заметила, а у него внутри такой двор... в общем, хотел сфотографировать. Перепутал поворот. - Он усмехнулся. - Понял, что снова не туда. Решил вернуться. И через десять минут оказался у рынка. Совершенно без всякой причины.

Ай посмотрела на него.

— И что ты там делал?

— Ничего. Стоял. Смотрел, как продавец завёртывает рыбу в бумагу.

— Значит, дом ты так и не сфотографировал? - спросила она.

— Нет, - честно ответил Рэн. - Но место, куда мы идём, нашёл именно тогда.

Он свернул за угол, и улица внезапно кончилась, уступив место низкому каменному ограждению. За ним лежала вода. Вдали, между крышами, ещё держался последний свет.

— И ты не пытался свериться с картой? - спросила она наконец.

Рэн усмехнулся, и в этой усмешке было что-то почти виноватое.

— Пытался. Но карта как будто была против меня.

— Карта не может быть против тебя.

— Я географический кретин.

Она слегка покачала головой, но в уголках губ снова появилась тёплая, почти незаметная улыбка.

Через несколько минут они вышли к небольшому проходу между зданиями, который открывался в тихий внутренний дворик. Там было неожиданно просторно и спокойно, будто город специально оставил это место незамеченным, спрятал от туристов и спешки. В центре росло старое дерево - может быть, клён, может быть, что-то другое, Ай не разбиралась в породах, - а вокруг него стояли низкие каменные скамьи, потемневшие от времени. Лёгкий ветер двигал листья, и в этом движении было что-то почти замедленное, как в кадре, который не спешат переключать. Где-то наверху тихо тренькнул колокольчик - может быть, на велосипеде, может быть, на двери какого-то дома, - и этот звук повис в воздухе дольше, чем должен был.

Рэн остановился и кивнул в сторону дерева.

Они сели на скамью. Камень был прохладным, но не холодным - он хранил в себе тепло дня, отдавая его медленно, неохотно. Некоторое время молчали, слушая город, который отсюда звучал иначе - тише, глубже, без привычной спешки. Где-то вдалеке играла музыка - тихо, так тихо, что невозможно было разобрать мелодию, только уловить ритм.

Рэн говорил ещё о каких-то своих съёмках, о людях, которых случайно встречал, о местах, куда его заносило без плана. Ай слушала, иногда задавала вопросы, иногда просто кивала, и постепенно ловила себя на том, что не думает о времени. Это было странно - она, которая всегда знала, который час и сколько минут осталось до конца рабочего дня, теперь просто сидела и слушала, не считая секунд.

Когда они вышли из дворика и пошли дальше, город вокруг них изменился. Они постепенно ушли дальше от университетских улиц, туда, где Киото становился менее собранным и официальным, словно город позволял себе расслабиться и переставал следить за собственной репутацией.

Этот район не попадал в туристические буклеты и редко появлялся на открытках, но в нём было что-то особенно честное, как в местах, которые не стараются казаться красивыми. Старые деревянные фасады здесь соседствовали с новыми бетонными пристройками, между ними росли выющиеся растения, цепляясь за водосточные трубы и перила. Узкие каналы, проложенные ещё в прошлом веке, спокойно несли воду между домами - вода была тёмной, почти чёрной в вечернем свете, и в ней отражались фонари, которые зажигались один за другим, как будто город медленно просыпался к ночи.

В воздухе ощущалась лёгкая сырость, смешанная с запахом зелени и далёкой кухни - может быть, кто-то жарил рыбу, может быть, варил рис, - и всё это вместе создавало впечатление не города, а живого пространства, которое существует само по себе, без необходимости кому-то нравиться.

Рэн замедлил шаг, оглядываясь вокруг, и Ай заметила, как он на несколько секунд стал тише обычного. Это было не молчание задумчивости - это было молчание наблюдения, как у человека, который вдруг увидел что-то важное и боится это спугнуть. Внутри него что-то переключилось с разговора на созерцание, и она поняла, что сейчас лучше не спрашивать, что он видит. Он сам скажет, если захочет.

- Здесь хорошо свет ложится, - произнёс он наконец, больше самому себе, чем ей.

Ай проследила за его взглядом. Между домами ложилась мягкая полоса вечернего света, скользя по влажной мостовой и шершавым стенам, словно невидимый художник касался кистью уже готового полотна. В этих лучах трещины на штукатурке и неровные линии крыш переставали быть приметами упадка, становясь продолжением самой истории этого места.

Рэн остановился, но не сразу повернулся. Он будто взвешивал слова. Обычно он говорил легко, на лету, но сейчас в его молчании звенела осторожность - страх нарушить то хрупкое, что уже родилось между ними, но ещё не обрело имени.

— Можно тебя попросить? - голос его прозвучал тише, чем обычно.

Ай лишь чуть склонила голову, не торопя. - О чём?

Рэн машинально коснулся ремня фотоаппарата. - Я бы хотел сделать несколько кадров. С тобой. - Он наконец встретился с ней взглядом, и в глазах его мелькнула непривычная уязвимость. - Просто для себя. Здесь и сейчас. Ты не обязана, - поспешно добавил он, словно спохватившись. - Просто... ты здесь очень своя.

Ай не ответила сразу. Ей редко доводилось становиться частью чужого кадра, материалом для чьего-то видения. Она медленно обвела глазами улицу: тёплые отблески на мокром камне, тихую рябь в оконных стёклах, а затем снова посмотрела на него. - Хорошо, - ровно произнесла она. И чуть помедлив, добавила: - Но только если это не займёт много времени.

Рэн моргнул, не ожидая такого согласия, и его плечи расслабились. Улыбка, сменившая напряжение, была совсем другой - открытой. - Совсем немного, - выдохнул он.

Он поднял камеру, но не стал сразу нажимать на спуск. Рэн выстраивал композицию, ища тот самый ракурс, то самое состояние. Ай стояла чуть в стороне. Не зная, что от неё требуется, она просто перестала контролировать себя, позволяя городу и свету делать своё дело.

— Твоё пальто, - вдруг тихо заметил Рэн, чуть прищурившись за видоискателем. - Оно очень... здесь.

Ай опустила взгляд на свой светлый весенний наряд. Она надела его по привычке, не думая об эстетике, но теперь и впрямь увидела, как мягкий оттенок ткани перекликается с серо-зелёной патиной на стенах, с влажным воздухом и даже с мерным плеском воды в ближнем канале. - Здесь? - переспросила она. - Да, - кивнул он, и в голосе наконец зазвучала уверенность. - словно оно всегда было частью этого района.

Щелчок затвора. Потом ещё один, ближе. Рэн не давал указаний, не просил повернуться или посмотреть в объектив. Он просто кружил вокруг, ловя моменты, когда она оставалась собой, пока город вокруг дышал своей тихой вечерней жизнью.

Ай стояла чуть напряжённо, как это бывает с людьми, не привыкшими к объективу: слишком прямая спина, руки, не находящие себе места, осторожный перенос веса с ноги на ногу. Никакой эффектности, только эта почти детская неловкость, которую она, скорее всего, назвала бы просто неудобством. Рэн же двигался легко, почти бесшумно. То поднимая камеру, то опуская, он искал не композицию, а то самое неуловимое состояние, в котором она проявляется.

Хрупкая серьёзность момента дала трещину неожиданно. Делая шаг назад, Рэн не заметил неровность брусчатки. Его нога соскользнула, и он нелепо, по-человечески дёрнулся, едва не уронив технику. Ай, до этого старательно державшая маску «правильной» модели, не выдержала.

Сначала это был лишь короткий, сдавленный выдох. Она тут же зажала рот ладонью, пытаясь подавить смех, который предательски вырывался из-под контроля. Но было поздно. Звук прорвался наружу - тихий, тёплый, совершенно чуждый её обычной сдержанности. Она попыталась отвернуться, но смех только расцветал, превращаясь в лёгкий, светлый поток, который уже невозможно было остановить.

Рэн замер. Но вместо того чтобы извиниться за неловкость, он мгновенно вскинул камеру.

Щёлк.

Он поймал этот миг инстинктивно. Едва Ай начала приходить в себя, он уже опустил фотоаппарат и смотрел на неё с выражением тихого изумления, словно увидел то, чего не ждал даже сам.

— Вот это... - произнёс он медленно, и в голосе впервые прозвучало что-то очень личное. - Настоящий кадр. Ты на нём такая... милая, Ай.

Слова застали её врасплох сильнее, чем сам смех. Ай моргнула, инстинктивно отводя взгляд, и голос её предательски дрогнул, когда она попросила: - Покажи.

Рэн помедлил, будто взвешивая, стоит ли, но всё же повернул экран в её сторону. На снимке была не та собранная, аккуратная девушка. Живая, чуть растерянная, с искрой смеха в глазах, не успевшей спрятаться за ладонью. От этого зрелища её бросило в жар. Быть настолько открытой, настолько настоящей в чужом объективе было невыносимо.

Она чуть нахмурилась и вернула ему камеру. - Удали, - сказала она ровно, но в этой ровности сквозила сталь.

Рэн даже не посмотрел на экран. - Нет.

Ай подняла на него взгляд. - Это просто фото, Рэн. - Для меня - нет. - Я не хочу, чтобы оно осталось.

Он чуть опустил камеру, но не спрятал её, продолжая смотреть на неё уже без видеоискателя.

— Тогда оно останется только у меня, - сказал он после паузы. - Я не буду его никому показывать. Честное слово. Но не удалю. - Голос его стал тише. - Потому что это - ты настоящая. Как бы ты ни старалась это отрицать.

Ай не ответила сразу. Она ещё несколько секунд смотрела на экран, где застыла непривычно живой, чуть растерянной - словно застала себя врасплох в тот миг, когда перестала быть собранной. Ощущение было странным, почти неудобным, но в нём не было отторжения. Скорее - тихое узнавание чего-то, что она обычно не позволяла себе замечать.

В конце концов она чуть кивнула. - Оставь, - произнесла она ровно, будто это решение требовало не согласия, а просто завершения разговора.

Рэн моргнул, словно не до конца поверил. Потом его плечи расслабились, и он убрал камеру так осторожно, будто боялся спугнуть не снимок, а само её согласие.

Ветер между тем стал прохладнее. Вечер окончательно перешёл в ту мягкую стадию, когда город уже не принадлежит ни дню, ни ночи, а существует где-то между ними - в тёплом

полумраке фонарей и редких голосах прохожих. Свет на улицах стал глубже, отражения в окнах длиннее, а тишина вокруг них - заметнее. Ай посмотрела на часы и будто впервые за долгое время вспомнила, что у этого вечера есть границы.

— Мне пора, - сказала она без драматизма, скорее как констатацию факта.

Она поправила ремень сумки и уже сделала шаг, когда Рэн чуть оживился, словно сам не хотел отпускать этот момент слишком быстро.

— Можно я провожу тебя? - спросил он и тут же, не дожидаясь ответа, выпалил: - Или давай ещё пройдемся. Тут бар рядом есть, или к реке можем выйти, или в парк - там сейчас, наверное, звёзды уже видны. Или вообще можно никуда не идти, просто остаться здесь ещё ненадолго.

Он говорил это не как план, а как набор возможных миров, в каждом из которых вечер мог бы продолжиться иначе. Ай остановилась и посмотрела на него так, как смотрят на человека, который живёт внутри слишком свободного времени.

— Рэн, - тихо произнесла она, - я не хочу быть случайностью в твоём расписании.

Он замолчал. Медленно выдохнул, и на его лице появилось выражение, в котором смешались лёгкое разочарование и понимание - почти благодарность за честность, даже если она не совпадала с его желанием удержать этот вечер.

— Да, - тихо сказал он после паузы. - Понимаю.

Ай посмотрела на него ещё мгновение, затем развернулась и пошла по улице в сторону дома, постепенно растворяясь в вечернем свете Киото, где фонари уже начинали загораться один за другим. Рэн остался стоять. Он смотрел ей вслед, пока её силуэт не стал частью улицы, пока шаги не слились с шумом города, и пока между ними не осталось ничего, кроме расстояния, которое невозможно сократить одним желанием.

Глава 4 Страница без заголовка

Они провели в парке аттракционов почти весь день. К вечеру это уже не казалось чем-то запланированным - скорее естественным продолжением их странного, ещё не названного знакомства, в котором не было ни обязательств, ни ожиданий. Только лёгкое движение от момента к моменту, будто сам день решал за них, куда идти дальше.

Парк не пытался удивить масштабом или современностью. Всё здесь было чуть устаревшим, шумным, местами наивным. Яркие вывески давно потеряли свежесть цвета, но от этого только приобрели особое настроение. Колесо обозрения скрипело неторопливо, карусели двигались с мягкой механической уверенностью, а смех людей смешивался с музыкой из старых динамиков, ставшей неотъемлемой частью этого места.

Ай сначала чувствовала себя не в своей тарелке. Она редко позволяла себе дни без цели, задачи и заранее определённого смысла. Но Рэн двигался по парку так естественно, словно именно здесь ему было проще всего дышать. Он смеялся легко, иногда даже неловко - особенно когда что-то шло не по плану. Например, когда проиграл в одной из простых игр на призы и получил маленькую мягкую игрушку, которую тут же, без всякой иронии, попытался всучить Ай. В этом состоянии он казался даже моложе своих лет, и в нём появлялось что-то почти детское. Его привычная непредсказуемость переставала казаться сложной, становясь просто частью характера.

Ай ловила себя на том, что наблюдает за ним больше, чем участвует в происходящем.

Когда они уже собирались уходить, у выхода Рэн вдруг замедлил шаг. Ай заметила это почти сразу, но не стала ничего говорить - просто остановилась рядом, позволяя моменту развернуться самому.

К нему подошёл молодой мужчина примерно одного с ним возраста. У того был тот уверенный вид, который бывает у людей, давно живущих внутри чужих ожиданий и привыкших не задавать лишних вопросов. Он остановился чуть ближе, чем это делают случайные знакомые, и на его лице мелькнуло узнавание, не нуждающееся в представлении.

— Привет, Юто. - сказал он спокойно.

Рэн замер. В его лице что-то едва заметно изменилось, словно он не ожидал увидеть этого человека здесь.

— Привет, - ответил он после паузы, и голос его стал сдержаннее. - Не думал тебя здесь встретить.

Юто коротко кивнул, бросив быстрый взгляд сначала на Рэна, потом на Ай. Во взгляде было что-то осторожное.

— Ты собираешься возвращаться? - спросил он. В вопросе не было агрессии, но звучал он тяжелее обычного.

Рэн чуть нахмурился.

— Возвращаться куда?

— Домой. К отцу. Он снова спрашивал, когда ты закончишь с этим всем и займёшься нормальной работой. Архитектура всё ещё ждёт тебя, если ты забыл.

Между ними появилась пауза. Шум парка стал тише, хотя вокруг ничего не изменилось. Рэн медленно выдохнул.

— Я не забывал, - сказал он ровно. - Я просто не выбираю то, что за меня уже решили.

— Это не всегда работает, - произнёс он наконец. - Иногда выбор - это роскошь, которую не все могут себе позволить.

Рэн отвёл взгляд, и в этом движении впервые за весь день появилось что-то тяжёлое, не связанное ни с лёгкостью парка, ни с их прогулкой, ни с тем образом, в котором он был рядом с Ай.

— Может быть, - сказал он тихо. - Но это всё равно мой выбор.

Юто посмотрел на него ещё раз, будто хотел сказать что-то большее, но в итоге только кивнул.

— Ладно. Тогда удачи тебе.

И, не добавив больше ничего, развернулся и ушёл.

Рэн остался стоять, глядя ему вслед, пока тот не растворился в толпе у выхода. Его плечи опустились, и в нём на мгновение исчезла та лёгкость, с которой он ходил весь день, оставив после себя что-то более тихое и закрытое.

Ай не вмешивалась. Когда шум парка снова стал обычным шумом, Рэн медленно повернулся к ней. Его лицо смягчилось, будто он снова вспомнил, где находится и с кем.

— Пойдём? - сказал он тихо.

Они пошли, уходя из парка в вечер Киото, который постепенно становился всё спокойнее и глубже.

— А вот эти выступы под крышей - они не просто декоративные. Они распределяют нагрузку и защищают фасад от дождя, особенно в сезон, когда влажность здесь становится почти постоянной. Дерево стареет иначе, чем камень. Оно не разрушается резко, а постепенно сдаётся времени, но при этом продолжает держать форму. - Он на секунду замолчал, проводя взглядом по линии крыши. Во взгляде было что-то личное, как если бы он видел в этих домах не просто объекты, а что-то знакомое. Ай перевела взгляд на него.

— Ты это всё учил для работы с фотографией? - спросила она спокойно, без иронии, с искренним интересом. Его знание не выглядело поверхностным.

Рэн не ответил сразу. Он шёл ещё несколько шагов, прежде чем усмехнуться, но в этой улыбке не было лёгкости - скорее усталое признание чего-то давно принятого.

— Сначала да, - сказал он наконец. - Мне нужно было понимать, что я снимаю. Я думал, что если буду знать, как устроено пространство, то смогу лучше его запечатлеть. Но потом это как-то... осталось. Уже не ради снимков. - Он посмотрел на одно из старых зданий, задержав взгляд на потрескавшейся деревянной двери. - В какой-то момент я понял, что мне просто нравится, как всё это существует. Без попытки понравиться кому-то. Без объяснений. Просто стоит и держит себя так, как может.

Ай замедлила шаг, идя рядом с ним, и впервые за вечер заметила, как его обычная лёгкость почти полностью исчезла, уступив место чему-то более тихому и глубокому, что редко показывают другим.

— Меня пугает, насколько ты изменился за секунду. - Сказала она.

— Иногда мне тоже кажется, что люди слишком быстро меняются, - произнёс он медленно. - Я - не исключение.

Между ними снова возникло спокойное движение улицы, в котором не было необходимости заполнять тишину словами. Они шли дальше по старому району, где вечер уже начал сгущаться между крышами, и где каждый шаг звучал мягче, чем в шумных частях города. Киото здесь говорил тише, чтобы его можно было не просто услышать, а почувствовать.

Дождь начался внезапно, без предупреждения, словно небо просто решило отпустить накопившуюся за день тяжесть. Капли сначала были редкими, почти неуверенными, но уже через несколько минут превратились в плотную, непрерывную завесу, сквозь которую город начал терять свои очертания.

Станция линии Кэйхан встретила их теснотой. Люди двигались быстро, заполняя платформу и вагоны с той особой поспешностью, которая возникает не из-за страха опоздать, а из-за желания как можно скорее оказаться в сухом пространстве. Когда двери поезда открылись, поток пассажиров почти сразу втянул их внутрь, не оставляя возможности выбрать место.

Внутри было тепло, но неуютно. Воздух оказался плотным, наполненным запахом мокрой одежды, металлического поручня и чужих духов, смешавшихся в единый, слегка давящий

фон. Люди стояли так близко друг к другу, что личное пространство переставало существовать. Единственным способом удержаться в этом движении было находить опору в случайных точках - поручнях, стенах, чужих плечах.

Ай оказалась ближе к двери, но не пыталась менять положение, позволяя потоку людей окончательно определить её место. Рэн стоял рядом, чуть смещённый в сторону, так что его плечо почти касалось её. В этой близости не было ничего нарочитого - только неизбежность переполненного вагона, в котором расстояния становятся условностью.

Поезд тронулся, и город за окном начал расплываться в мокрые линии огней и отражений. Киото в дождь всегда выглядел иначе, терял резкость и становился более честным, обнажая то, что обычно скрыто за привычной ясностью улиц.

Рэн чуть наклонился вперёд, удерживаясь рукой за поручень, и какое-то время просто смотрел на мелькающий за стеклом пейзаж, не говоря ничего. В этот момент он казался приглушённым, словно шум поезда и теснота вагона постепенно вытесняли из него привычную свободу движений, оставляя только то, что невозможно убрать внешними обстоятельствами.

- Если бы я знал, что встречу тебя, - сказал он, не отводя взгляда от окна, - я бы сел в этот поезд раньше. Даже если бы он был забит до отказа и мне бы - ...пришлось катиться на чужих головах.

Слова прозвучали спокойно, будто были частью обычного разговора, но в их простоте было то, что не позволяло отнестись к ним легко. Она смотрела на его профиль, на линию плеча, на то, как он держится в переполненном вагоне, всё ещё пытаясь найти правильное положение в пространстве, и не отвечала. Ответ не требовался. И, возможно, именно поэтому она молчала. Но рука - почти незаметно даже для неё самой - сжала край его рукава.

Рэн на мгновение перестал дышать так, как дышал до этого. Они ехали дальше, но уже иначе.

Сакура у пруда цвела так же, как в тот первый день, когда они встретились, и от этого совпадения было почти невозможно отделаться. Дождь к тому моменту уже закончился, оставив после себя влажный воздух и блестящие дорожки, в которых отражались фонари и редкие силуэты прохожих. Вода в пруду была спокойной, и только круги от капель, падающих с веток, нарушали её поверхность. Они стояли под деревьями, где лепестки продолжали медленно опадать, несмотря на вечернюю сырость, - весна не обращала внимания на погоду и продолжала свой ритм независимо от всего остального.

Рэн был тише обычного. В его взгляде чувствовалось то же напряжение, что и в метро, но теперь оно было не внешним, а внутренним - собранным в одну точку, как перед шагом, который уже невозможно отменить. Ай смотрела на пруд, на отражения света, на движение воды, и только краем внимания ощущала его рядом: присутствие, которое уже стало привычным, но всё ещё оставалось не до конца понятным.

Поцелуй случился спонтанно. Короткий, осторожный, почти проверяющий. И в этот момент Ай не думала ни о времени, ни о причинах, ни о том, что будет дальше. Внутри неё оставалось только ощущение чего-то начавшегося, но ещё не названного, - жизнь вдруг открыла новую страницу, на которой пока не было ни текста, ни даже заголовка. Только пустое пространство, наполненное возможностью.

Рэн улетел на Хоккайдо через несколько дней. Аэропорт был обычным - слишком ярким и слишком нейтральным, чтобы вместить что-то важное, - и именно поэтому всё происходящее в нём казалось особенно хрупким. Люди вокруг спешили, объявления звучали спокойно и безлично, чемоданы катились по полу с одинаковым ритмом, и в этом движении не было места ни для остановки, ни для паузы.

Ай не говорила много. Рэн - тоже. Между ними не было сцены расставания в привычном смысле: ни громких слов, ни попыток удержать момент, который уже начал ускользать.

Только несколько взглядов, чуть более долгих, чем обычно, и молчание, в котором уже было всё сказано заранее.

Когда он исчез за линией контроля, Ай осталась стоять ещё некоторое время, не сразу понимая, что именно изменилось. Только выйдя из здания аэропорта, она почувствовала это яснее: между ней и этим странным, неуловимым фотографом что-то действительно началось.

Глава 5 Сокращающиеся сообщения

После того как Рэн уехал на Хоккайдо, время между ними сначала ещё пыталось сохранить прежнюю форму - память о привычке общаться удерживала их от распада. Но довольно быстро стало ясно: расстояние не просто разделяет, а постепенно переписывает саму структуру их связи.

Первые месяцы они переписывались почти регулярно. В этих сообщениях сохранялось ощущение живого присутствия, пусть и ослабленного, - как звук, проходящий через длинный коридор. Ай читала его ответы внимательно, иногда перечитывая по несколько раз, пытаясь уловить не только смысл, но и состояние, в котором они были написаны.

Он отвечал коротко, не всегда сразу, иногда пропадал на несколько дней, а затем появлялся так, словно ничего не произошло, с той же лёгкой естественностью, с которой мог когда-то исчезнуть посреди прогулки в Киото. О себе он говорил мало, и даже когда говорил, это были скорее фрагменты, чем рассказ: несколько строк о съёмках, о погоде, о случайных поездках, о людях, которых он встречал, но никогда не задерживался на деталях.

Социальные сети, напротив, создавали совсем другую картину.

Там он существовал иначе - более ярко, более шумно. Жизнь на Хоккайдо давала ему пространство, в котором он снова становился легче, свободнее, растворённое в потоке событий. Фотографии появлялись часто: пейзажи, ночные улицы, кадры из поездок, случайные лица, смех, свет, движение. Иногда на снимках были вечеринки, группы людей, бокалы, музыка. В этом не было демонстративности, скорее - ощущение постоянного присутствия в чужом ритме, в котором не было пауз.

При этом рядом с этим почти не было фиксированных привязанностей. В его публикациях не появлялись однозначные отношения, не было намёков на кого-то постоянного. Только редкие тексты - почти как заметки или короткие стихи, - в которых чувствовалась его привычная внимательность к моменту, но не к именам. Эти строки были тёплыми, иногда неожиданно мягкими, но всегда без адреса. Они существовали сами по себе, не нуждаясь в том, чтобы быть кому-то посвящёнными явно.

Ай смотрела на это не каждый день, но достаточно часто, чтобы это стало частью её фона. Сначала в этом было что-то нейтральное, почти безэмоциональное - наблюдение за человеком, который живёт в другом городе и просто по-другому строит свою жизнь. Но постепенно между строк его переписок и изображениями в сети начало появляться напряжение. Его трудно было назвать прямо ревностью или обидой, но оно всё же меняло её внутреннее состояние.

Потому что в переписках он был тише, а в жизни, которую она видела со стороны, он казался свободнее, чем когда-либо рядом с ней. Иногда Ай ловила себя на том, что ждёт от него больше слов, чем он может или хочет дать, и одновременно боится этих слов - они могли бы означать окончательное, зафиксированное, требующее определения. Её собственная стабильность, к которой она так долго привыкала, в его присутствии всегда начинала слегка смещаться. И теперь, когда он был далеко, это смещение продолжало существовать, но уже без возможности его сразу почувствовать или уточнить.

Рэн же, судя по редким разговорам, оставался в своём привычном состоянии движения. Он редко говорил о том, где находится эмоционально, и ещё реже - о том, куда это всё может привести. В его сообщениях не было обещаний, и, возможно, именно это постепенно делало их переписку всё более трудной: отсутствие обещаний оставляло слишком много пространства для интерпретации.

Прошёл почти год, прежде чем в этом ритме появилось новое смещение.

Ай получила сообщение поздним вечером, когда уже собиралась закрывать библиотечные записи и уходить домой.

«Я возвращаюсь в Японию на некоторое время.»

Без объяснений. Без деталей. Только это. Она долго смотрела на экран, пока свет библиотеки вокруг не стал казаться чуть более резким, чем обычно.

Ай сидела в своём кабинете, пытаясь удержать привычный порядок мыслей в ровной структуре рабочих задач, когда дверь открылась без предупреждения и внутрь вошёл её начальник. Она рефлекторно поднялась из-за стола, выпрямилась и склонилась в учтивом поклоне, как того требовала привычка и внутренний порядок, в котором жила уже много лет.

— Сайто-сэнсэй, - мягко произнесла она, не поднимая взгляд слишком резко, чтобы не нарушить границу уважения.

Начальник кивнул ей в ответ и прошёл ближе к столу, не торопясь, - как человек, который заранее знает, что его слова будут приняты, даже если они окажутся неожиданными. Его лицо оставалось спокойным, почти нейтральным, но в этом спокойствии чувствовалась деловая собранность, свойственная тем, кто привык распределять чужое время так же легко, как своё.

— Ай-сан, - начал он, чуть отодвигая папку на край стола, - у нас есть для тебя поручение. - Он сделал паузу, позволяя словам лечь ровно, без лишнего давления, и только потом продолжил. - Обычно этим занимается Кобаяси-сан, но он сейчас серьёзно болен, и мы не можем позволить себе отложить работу. Мы бы не стали отвлекать тебя, если бы это не было действительно необходимо.

Ай слегка кивнула, оставаясь внимательной, и начальник открыл папку, аккуратно раскладывая документы перед ней. На верхнем листе была фотография старого дома.

— Это здание под снос, - произнёс он ровно. - Нам нужно зафиксировать его состояние для архивов университета и для возможных юридических проверок в будущем. Полная фотофиксация, документация, общая фиксация структуры. Работа требует внимательного подхода. Ты будешь работать вместе с профессионалом.

Ай едва заметно напряглась, но лицо её осталось спокойным.

— Поняла, Сайто-сэнсэй, - ответила она тихо.

И в этот момент дверь кабинета снова открылась.

Ай не успела даже повернуть голову полностью, когда почувствовала, как пространство вокруг меняется. Внутрь вошёл Рэн. Он остановился на пороге, и на секунду вокруг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.